

ЧАСЫ MONSIEUR DE CHANEL, ПЕРВЫЕ МУЖСКИЕ ЧАСЫ CHANEL С СОБСТВЕННЫМ МЕХАНИЗМОМ CALIBRE 1. С ФУНКЦИЕЙ ПРЫГАЮЩЕГО ЧАСА, РЕТРОГРАДНОЙ МИНУТНОЙ И МАЛЕНЬКОЙ СЕКУНДНОЙ СТРЕЛКОЙ, ЗАПАС ХОДА — 3 ДНЯ. КОРПУС И СТРЕЛКИ: БЕЛОЕ ЗОЛОТО, ОПАЛИНОВЫЙ ЦИФЕРБЛАТ, РЕМЕШОК ИЗ КОЖИ АЛЛИГАТОРА. ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ ВЫПУСТИТЬ 300 ЭКЗЕМПЛЯРОВ ЭТИХ ЧАСОВ, ВСЕ ОНИ БУДУТ ПРОНУМЕРОВАНЫ

— Вы согласны с тем, что в наше время жизнь несется слишком стремительно?
— Меня пугает не это. Пугает сочетание скорости и расточительности. Все эти сообщения, напоминания, оповещения в телефоне, необходимость постоянно находиться на связи. Мы постоянно на связи, но мы перестали друг с другом встречаться. Мы все время фотографируем. У меня недавно родился сын, и я не могу не задумываться, не слишком ли часто мы его снимаем. У меня хранятся тысячи кадров — может быть, это уже перебор? Что он станет делать с этими залежами изображений, когда вырастет? Загрузит в телефон? Все эти нестираемые, стойкие следы прошлого, как будто его жизнь засняли и сохранили для какого-то бесконечного фоторомана. Иногда мне кажется, что мы крадем у ребенка воспоминания, лишаем его свободы воли и возможности представить собственное прошлое. Ведь все эти картинки неизбежно вмешаются в его воспоминания, повредят их ткань. Такое ощущение, что мы изначально лишили его возможности рассказать собственную историю. В ней не осталось места выдумкам, мечтам, легендам. Образы безобразно оттеснили воображение.

— У меня непростой анамнез, связанный с медлительностью. С детства мне говорили, что я живу в своем ритме. Меня нельзя торопить. Останавливать время ни к чему, но мне важно следить за тем, как оно проходит. Тут-то и пригождаются часы.

— В вашей актерской карьере тоже есть определенная медлительность.

— Да, и мне она по душе. Неспешность оставляет место для поэзии, а где бы мы были без поэзии? Моменты тишины нужно ценить. Я никогда не переживал, если между съемками вдруг случался перерыв и я не переходил от одного проекта сразу к другому. Для меня пустота — это неожиданный простор. Возможность восстановиться. По крайней мере, так я это воспринимаю. А вот Ксавье Долан, с которым мы недавно работали, вообще не может сидеть спокойно. Это сверхактивный человек, он мчится по жизни со скоростью 200 километров в час. Секунды на моих часах показались бы ему невыносимо долгими.

— Вы с Доланом представляли в Канне «Это всего лишь конец света». В Канне время для вас идет медленнее или быстрее?

— О, там все носятся как угорелые, даже каннское время так спрессовано, что это уже напоминает насилие. Чтобы восстановиться после фестиваля, мне необходимо потом побыть в одиночестве, а если общаться с кем-то, то только с самыми близкими людьми. Если этого не сделать, боюсь, что можно сойти с ума.

— То есть телефон крадет у вас и будущие воспоминания, и ваше время?

— Даже без соцсетей я провожу чудовищное количество времени в телефоне. Стоит мне обнаружить, что я чего-то не знаю, — и приходится лезть за информацией в интернет. Поразительно, конечно: иметь прямо в кармане безграничные знания (ну или почти безграничные). Но мне бы хотелось чаще смотреть не в телефон, а на часы.

— Можно я спрошу, сколько вам лет?

— Без проблем. Мне... Погодите, сколько же мне лет, действительно? 32? 33? Кошмар! Я не помню, сколько мне лет. Все-таки мне 32, наверное.

— А ваши Monsieur de Chanel разве не показывают возраст?

— Нет, эти часы ведут себя умнее: они напоминают о ценности каждой секунды. Поэтому я их вообще не снимаю. Даже когда сплю.

— Я вам не верю.

— А зря. Иногда я лежу в темноте и прислушиваюсь к секундной стрелке — она помогает мне заснуть.

Беседовала Ирина Никольникова